

интересно. Интересно наблюдать остроту их восприятий, их требовательность, бескомпромиссность. Только хотелось бы, чтобы эта требовательность в первую очередь была обращена к ним самим. Да и вообще мне кажется, что нашим умным, образованным, трезвым ребятам не надо выдавать индульгенцию за юность; разговор с ними нужно вести наравне, и тогда процесс обучения перестает быть односторонним, а становится взаимобогащающим.

К. Ц. Как вы представляете себе современного героя? Интересуют ли вас только цельные, гармоничные личности, или в поле вашего интереса попадают и другие? Рассматриваете ли вы героев по шкале «плюс — минус» и как относитесь к продуманному моделированию полярных, противопоставленных характеров во имя выявления идеи произведения?

Л. Г. Недавно я была на режиссерском семинаре в Паланге, где разговор вылился в размышления о герое. Высказывались полярные противоположные позиции. Одна позиция: нет правды каждого. Хочу знать, кто подлец. И другая позиция: не обличать заведомого подлеца (тем самым отделяя его от себя) и не возносить заведомого «святого» (тем самым отождествляя себя с ним), а стремиться вникнуть в сложный мир нашего современника. Конечно же, в искусстве возможны оба пути. Вот недавно Н. Михалков снял картину «Без свидетелей». Здесь первая схема доведена до крайности. Он — олицетворение зла. Она — добра. Режиссерски Михалков тоже разводит героев на разные полюсы: Он снят широкими глазами Штрауса и потом огромное, во весь экран, лицо улыбающейся Карлы Доннер. Это было прекрасно, но никак не соотносилось с нашим бытом, с нашим образом жизни. Нашим талисманом была поэзия. Зачитывались Блоком, Маяковским, Галактионом Табидзе. Какое-нибудь вновь открытое четверостишие вроде: «Может быть, от дней этих, жутких, как штыков остря, когда столетия выбелят бороду, останемся только ты и я, бросающийся за тобой от города к городу» — было способно перевернуть душу, стало выразителем наших взаимоотношений, нашей любви, нашей одержимости. Мы все — поголовно — сочиняли стихи; объяснялись в любви стихами, писали критические статьи на стихи друг друга. Помню одно свое публичное выступление, где я, 15-летняя девочка, всерьез делила поэзию своего друга, тоже 15-летнего Гурама Асатиани, на три периода... Мне кажется, что современная молодежь смотрит на жизнь менее романтично, у нее более холодный и трезвый взгляд, и мне это ин-

тересно. Интересно наблюдать остроту их восприятий, их требовательность, бескомпромиссность. Только хотелось бы, чтобы эта требовательность в первую очередь была обращена к ним самим. Да и вообще мне кажется, что нашим умным, образованным, трезвым ребятам не надо выдавать индульгенцию за юность; разговор с ними нужно вести наравне, и тогда процесс обучения перестает быть односторонним, а становится взаимобогащающим.

К. Ц. Как вы относитесь к своему труду? Ведь существуют весьма противоречивые мнения о труде кинорежиссера. Многие считают, что это тяжелая и изнурительная работа, трудный хлеб, не жеманное дело.

двые женщины, каждая из них прожила сложную жизнь, были разные удары судьбы — трудные тридцатые годы, война, расставания, смерти, вынужденная жизнь с нелюбимым, болезни, одиночество. Я сказала — одиночество, и тут же захотелось перечеркнуть это слово! Да в том-то и дело, что нет одиночества! Вы бы видели, как эти, не сколько немолодых женщин — моих друзей — радуются жизни, как они веселятся, хохочут, как упиваются, чужой удачей (а ведь это труднее, чем сочувствовать чужому горю) и с какой остротой переживают любое, с их точки зрения, незачинное проявление кого-либо из нас! Среди них одна — физик, другая — языковед, третья — журналист, а еще одна — может быть, самая яркая и неповторимая — так и осталась «никем»: не окончила филологический факультет, не вышла замуж, хоть и любила и была любима, с юных лет воспитывала племянницу, чьи родители разошлись, и, конечно же, работала. Сейчас весело и воинственно растут сыновей племянницы, никуда не ездит — даже на отдых; пополнила, ее прекрасная фигура стала грузной; платье — всегда единственное — покупает за 23 рубля в местном магазине «Великан» и носит его, как лучшую модель Пьера Кардена; живет в центре Тбилиси в полутемной комнате с окружением живописных полотен, которые ей дарят лучшие художники Грузии, со своим вечным спутником — Томасом Манном, в гуще общественных и художественных интересов нашего города, республике, живет весело, доброжелательно, одержимо и непримиримо. А неистребимое чувство юмора, направленное в основном на себя! Вот и получился панегирик... Если сохранить эту же интонацию в искусстве, создастся ощущение сглаженности, облегченности. Как известно, любовь ослепляет, а искусству нужен трезвый взгляд. Изменится ли от этого суть образа? Нет, не думаю. Только он станет глубже. А сущность останется той же: интересный человек, современный, духовный, богатый.

Лана Левановна Гогоберидзе — народная артистка Грузинской ССР, депутат Верховного Совета республики, секретарь правления Союза кинематографистов Грузии, известный режиссер, чьи фильмы «Под одним небом», «Я вижу солнце», «Рубежи», «Когда зацвел миндаль», «Перелом», «Несколько интервью по личным вопросам» привлекли большое внимание зрителей и не раз удостаивались призов на различных кинофестивалях.

Сегодня мы публикуем беседу Ланы ГОГОБЕРИДЗЕ с критиком Корой ЦЕРЕТЕЛИ.

ТАКЖЕ ЭТА РАБОТА

К. Ц. Вы, конечно, правы. Человек, многое переживший и переиспытывавший, обретает особую ценность. Но, с другой стороны, старость — это все-таки сгущение сумерек, расширение бреши между «хочу» и «могу» и бесконечное огорчительное привыкание к постепенно наступившим ограничениям...

Л. Г. Чем дольше живешь, тем больше об этом думаешь. Что такое старость, стареет ли душа? Приложимо ли слово «старый» к 84-летнему Евгению Габриловичу, с которым недавно мы вместе летали в Новосибирск на заседание выездного секретариата правления СК СССР? И ему было не в тягость 10 часов ждать в аэропорту вылета, и лететь еще 4 часа, и лечь спать глубокой ночью, и уже в восемь быть готовым к работе. Ему «было интересно». Было интересно посмотреть город, который он не знал, поехать в Академгородок, поговорить с учеными, увидеть новые фильмы, вслух поразмышлять о них. Думаю, что пока существует вот это магическое и бескорыстное «мне интересно» — нет старости. К старости выкристаллизовывается основная —

понимание чужой точки зрения, а отсюда — терпимость, умение прощать. Обо всем этом мы думали, когда вместе с моим постоянным соавтором Заирой Арсенишвили писали сценарий нашего последнего фильма «День длиннее ночи». В картине жиут бок о бок две Евы

Лана Левановна Гогоберидзе — народная артистка Грузинской ССР, депутат Верховного Совета республики, секретарь правления Союза кинематографистов Грузии, известный режиссер, чьи фильмы «Под одним небом», «Я вижу солнце», «Рубежи», «Когда зацвел миндаль», «Перелом», «Несколько интервью по личным вопросам» привлекли большое внимание зрителей и не раз удостаивались призов на различных кинофестивалях.

Сегодня мы публикуем беседу Ланы ГОГОБЕРИДЗЕ с критиком Корой ЦЕРЕТЕЛИ.

К. Ц. Вы, конечно, правы. Человек, многое переживший и переиспытывавший, обретает особую ценность. Но, с другой стороны, старость — это все-таки сгущение сумерек, расширение бреши между «хочу» и «могу» и бесконечное огорчительное привыкание к постепенно наступившим ограничениям...

Л. Г. Каждый из нас стареет жить, следуя тем нравственным устоям, которые ему кажутся наиболее справедливыми. Во всяком случае, я знаю, чему меня учат прошедшие годы. Не дать себе права заразиться микробом равнодушия! Не делать поблажек собственной совести! Смотреть на себя со стороны и по возможности с иронией, чтоб — не дай бог! — не преувеличить значения собственной персоны. Не утрачивать ощущения новизны. Как сказал Тагор: «Не говори — вот утро, и не отпускай его, назвав вчерашним именем. Смотри на него каждый раз, как на новорожденное дитя, у которого еще нет имени».

К. Ц. Ваш фильм «Несколько интервью по личным вопросам» получил Гран-при на фестивале авторских фильмов в Сан-Ремо. Что вы скажете об авторском кино?

Л. Г. По сравнению с

литературой кино — искусство вторичное. Литература выхватывает из жизни нечто, чего мы до сих пор не знали или не замечали; и вдруг какой-нибудь забытый богом полустанок, где живет два старика, освещенный пронзительным взглядом художника, начинает в

Лана Левановна Гогоберидзе — народная артистка Грузинской ССР, депутат Верховного Совета республики, секретарь правления Союза кинематографистов Грузии, известный режиссер, чьи фильмы «Под одним небом», «Я вижу солнце», «Рубежи», «Когда зацвел миндаль», «Перелом», «Несколько интервью по личным вопросам» привлекли большое внимание зрителей и не раз удостаивались призов на различных кинофестивалях.

Сегодня мы публикуем беседу Ланы ГОГОБЕРИДЗЕ с критиком Корой ЦЕРЕТЕЛИ.

К. Ц. Как вы относитесь к своему труду? Ведь существуют весьма противоречивые мнения о труде кинорежиссера. Многие считают, что это тяжелая и изнурительная работа, трудный хлеб, не жеманное дело.

Л. Г. Честно говоря, я не понимаю, как можно угрюмо работать! Дело, наверное, в том, что настоящему я люблю не результат, то есть готовую картину, а сам процесс, этот динамичный, сумбурный, светлый, буйный процесс создания фильма. Я всегда работаю с людьми, которые мне близки по-человечески, и всегда стараюсь создать в группе атмосферу доверия, взаимопонимания и внутренней раскрепощенности, свободы. Ведь съемочная группа в экспедиции — это большая кочующая семья, такой своеобразный цыганский табор. Друг прилетаем на вертолете в какое-нибудь недоступное ущелье Горной Тушетии, выгружаем весь скраб — аппаратуру, щиты, одежду, реквизит, иногда даже не устраиваемся на ночлег, а тут же начинаем организовывать съемку и работаем, работаем лихорадочно, стараясь успеть снять несколько кадров до ночи... А иногда случаются и романтические отклонения: ловим фотину в быстрой горной реке, сидим у костра до полуночи, жарим рыбу, рассказываем всякие истории, иногда читаем стихи, даже совсем по-детски играем в фанты, и возникают новые взаимоотношения, новые пересечения судеб... Конечно же, работа тяжелая, как принято говорить, не женская, но она заполняет все поры, создает такое радостное ощущение полноты бытия! И мне весело!

К. Ц. Вы сказали, что вам весело снимать фильм, и я вспомнила, как об этом говорил патриарх нашего кино Виктор Борисович Шнелюнский, работавший в 30-е годы на нашей студии. Уме через много лет он вспоминал об «опьянении веселостью», которое обычно сопутствовало созданию грузинских фильмов. Он говорил о «Хабарде» Чиатурели — «приплясывающая толпа несла честолюбца в Пантеон, на гору Давида, а он, присев в гробу, со страхом и восторгом наблюдал за процессом». Вы, грузины, умеете это делать, потому что у вас веселое сердце».

Л. Г. Я с вами полностью согласна. Каждый из тех людей, с которыми меня связывает истинное творческое содружество, вносит в картину свое, личное, глубоко мне дорогое восприятие мира. Это и оператор Нугзар

хоть оно и является плодом усилий людей различных профессий, по существу оно выявляет личность одного человека — режиссера; выявляет его мировоззрение, его нравственные устои, его биографию наконец.

К. Ц. Вы правы... В современном кино действи-

К. Ц. Как вы относитесь к своему труду? Ведь существуют весьма противоречивые мнения о труде кинорежиссера. Многие считают, что это тяжелая и изнурительная работа, трудный хлеб, не жеманное дело.

К. Ц. Как вы относитесь к своему труду? Ведь существуют весьма противоречивые мнения о труде кинорежиссера. Многие считают, что это тяжелая и изнурительная работа, трудный хлеб, не жеманное дело.

Л. Г. Честно говоря, я не понимаю, как можно угрюмо работать! Дело, наверное, в том, что настоящему я люблю не результат, то есть готовую картину, а сам процесс, этот динамичный, сумбурный, светлый, буйный процесс создания фильма. Я всегда работаю с людьми, которые мне близки по-человечески, и всегда стараюсь создать в группе атмосферу доверия, взаимопонимания и внутренней раскрепощенности, свободы. Ведь съемочная группа в экспедиции — это большая кочующая семья, такой своеобразный цыганский табор. Друг прилетаем на вертолете в какое-нибудь недоступное ущелье Горной Тушетии, выгружаем весь скраб — аппаратуру, щиты, одежду, реквизит, иногда даже не устраиваемся на ночлег, а тут же начинаем организовывать съемку и работаем, работаем лихорадочно, стараясь успеть снять несколько кадров до ночи... А иногда случаются и романтические отклонения: ловим фотину в быстрой горной реке, сидим у костра до полуночи, жарим рыбу, рассказываем всякие истории, иногда читаем стихи, даже совсем по-детски играем в фанты, и возникают новые взаимоотношения, новые пересечения судеб... Конечно же, работа тяжелая, как принято говорить, не женская, но она заполняет все поры, создает такое радостное ощущение полноты бытия! И мне весело!

К. Ц. Вы сказали, что вам весело снимать фильм, и я вспомнила, как об этом говорил патриарх нашего кино Виктор Борисович Шнелюнский, работавший в 30-е годы на нашей студии. Уме через много лет он вспоминал об «опьянении веселостью», которое обычно сопутствовало созданию грузинских фильмов. Он говорил о «Хабарде» Чиатурели — «приплясывающая толпа несла честолюбца в Пантеон, на гору Давида, а он, присев в гробу, со страхом и восторгом наблюдал за процессом». Вы, грузины, умеете это делать, потому что у вас веселое сердце».

Л. Г. Я с вами полностью согласна. Каждый из тех людей, с которыми меня связывает истинное творческое содружество, вносит в картину свое, личное, глубоко мне дорогое восприятие мира. Это и оператор Нугзар

Эркомаишвили, и художник Гоги Микеладзе, и композитор Гия Канчели, и актеры Софико Чиатурели, Дареджан Харшиладзе, Тамара Схиртладзе, Гурам Пирцхалава. Не говоря уж об авторе Заире Арсенишвили, без которой наших фильмов просто бы не существовало.

К. Ц. Как вы относитесь к своему труду? Ведь существуют весьма противоречивые мнения о труде кинорежиссера. Многие считают, что это тяжелая и изнурительная работа, трудный хлеб, не жеманное дело.

Л. Г. Честно говоря, я не понимаю, как можно угрюмо работать! Дело, наверное, в том, что настоящему я люблю не результат, то есть готовую картину, а сам процесс, этот динамичный, сумбурный, светлый, буйный процесс создания фильма. Я всегда работаю с людьми, которые мне близки по-человечески, и всегда стараюсь создать в группе атмосферу доверия, взаимопонимания и внутренней раскрепощенности, свободы. Ведь съемочная группа в экспедиции — это большая кочующая семья, такой своеобразный цыганский табор. Друг прилетаем на вертолете в какое-нибудь недоступное ущелье Горной Тушетии, выгружаем весь скраб — аппаратуру, щиты, одежду, реквизит, иногда даже не устраиваемся на ночлег, а тут же начинаем организовывать съемку и работаем, работаем лихорадочно, стараясь успеть снять несколько кадров до ночи... А иногда случаются и романтические отклонения: ловим фотину в быстрой горной реке, сидим у костра до полуночи, жарим рыбу, рассказываем всякие истории, иногда читаем стихи, даже совсем по-детски играем в фанты, и возникают новые взаимоотношения, новые пересечения судеб... Конечно же, работа тяжелая, как принято говорить, не женская, но она заполняет все поры, создает такое радостное ощущение полноты бытия! И мне весело!

К. Ц. Как вы относитесь к своему труду? Ведь существуют весьма противоречивые мнения о труде кинорежиссера. Многие считают, что это тяжелая и изнурительная работа, трудный хлеб, не жеманное дело.

Л. Г. Честно говоря, я не понимаю, как можно угрюмо работать! Дело, наверное, в том, что настоящему я люблю не результат, то есть готовую картину, а сам процесс, этот динамичный, сумбурный, светлый, буйный процесс создания фильма. Я всегда работаю с людьми, которые мне близки по-человечески, и всегда стараюсь создать в группе атмосферу доверия, взаимопонимания и внутренней раскрепощенности, свободы. Ведь съемочная группа в экспедиции — это большая кочующая семья, такой своеобразный цыганский табор. Друг прилетаем на вертолете в какое-нибудь недоступное ущелье Горной Тушетии, выгружаем весь скраб — аппаратуру, щиты, одежду, реквизит, иногда даже не устраиваемся на ночлег, а тут же начинаем организовывать съемку и работаем, работаем лихорадочно, стараясь успеть снять несколько кадров до ночи... А иногда случаются и романтические отклонения: ловим фотину в быстрой горной реке, сидим у костра до полуночи, жарим рыбу, рассказываем всякие истории, иногда читаем стихи, даже совсем по-детски играем в фанты, и возникают новые взаимоотношения, новые пересечения судеб... Конечно же, работа тяжелая, как принято говорить, не женская, но она заполняет все поры, создает такое радостное ощущение полноты бытия! И мне весело!

К. Ц. Как вы относитесь к своему труду? Ведь существуют весьма противоречивые мнения о труде кинорежиссера. Многие считают, что это тяжелая и изнурительная работа, трудный хлеб, не жеманное дело.

Л. Г. Я с вами полностью согласна. Каждый из тех людей, с которыми меня связывает истинное творческое содружество, вносит в картину свое, личное, глубоко мне дорогое восприятие мира. Это и оператор Нугзар

«фантастическим реализмом». Помните, еще Коэнцин говорил о фантастическом реализме как о преодолении внешних примет ради куда более важного — выявления сущности... Вырваться где-то из рамок «как в жизни», писал он. Мне кажется, вам удалось это сделать в фильме «День длиннее ночи». Такая сложность мироощущения создает возможность некоторого «остранения», самиронии. Как это обретается?

Л. Г. Наверное, разговор не случайно зашел об иронии. Я понимаю, что это звучит ненаучно, но мне кажется, что ироническая интонация наиболее точно выражает дух современности. В моем восприятии мира она занимает все больше и больше места. Еще в «Нескольких интервью...» мы нарочито ввели в повествование притчу одного из авторов нашего сценария — Эрлома Ахведиани. Например, странную притчу о добром человеке, который был настолько добр, что все — и камни, и плачущего человека, и верблюда — взваливал на своего столь же доброго осла, и наконец осел не выдержал и взмолился: добрый человек, взвали и меня на осла. Здесь ирония заключена в абсурдности ситуации. В последнем фильме эта интонация еще активнее вплетена в художественную ткань; для этого в картину существует вся линия скоморохов, которые комментируют события песнями и пантомимой. Я постаралась применить этот брехтовский принцип остранения, так широко используемый в театре, к столь безусловной и реалистичной кинореке, сидим у костра до полуночи, жарим рыбу, рассказываем всякие истории, иногда читаем стихи, даже совсем по-детски играем в фанты, и возникают новые взаимоотношения, новые пересечения судеб... Конечно же, работа тяжелая, как принято говорить, не женская, но она заполняет все поры, создает такое радостное ощущение полноты бытия! И мне весело!

К. Ц. Как вы относитесь к своему труду? Ведь существуют весьма противоречивые мнения о труде кинорежиссера. Многие считают, что это тяжелая и изнурительная работа, трудный хлеб, не жеманное дело.

Л. Г. Честно говоря, я не понимаю, как можно угрюмо работать! Дело, наверное, в том, что настоящему я люблю не результат, то есть готовую картину, а сам процесс, этот динамичный, сумбурный, светлый, буйный процесс создания фильма. Я всегда работаю с людьми, которые мне близки по-человечески, и всегда стараюсь создать в группе атмосферу доверия, взаимопонимания и внутренней раскрепощенности, свободы. Ведь съемочная группа в экспедиции — это большая кочующая семья, такой своеобразный цыганский табор. Друг прилетаем на вертолете в какое-нибудь недоступное ущелье Горной Тушетии, выгружаем весь скраб — аппаратуру, щиты, одежду, реквизит, иногда даже не устраиваемся на ночлег, а тут же начинаем организовывать съемку и работаем, работаем лихорадочно, стараясь успеть снять несколько кадров до ночи... А иногда случаются и романтические отклонения: ловим фотину в быстрой горной реке, сидим у костра до полуночи, жарим рыбу, рассказываем всякие истории, иногда читаем стихи, даже совсем по-детски играем в фанты, и возникают новые взаимоотношения, новые пересечения судеб... Конечно же, работа тяжелая, как принято говорить, не женская, но она заполняет все поры, создает такое радостное ощущение полноты бытия! И мне весело!

К. Ц. Как вы относитесь к своему труду? Ведь существуют весьма противоречивые мнения о труде кинорежиссера. Многие считают, что это тяжелая и изнурительная работа, трудный хлеб, не жеманное дело.

Л. Г. Честно говоря, я не понимаю, как можно угрюмо работать! Дело, наверное, в том, что настоящему я люблю не результат, то есть готовую картину, а сам процесс, этот динамичный, сумбурный, светлый, буйный процесс создания фильма. Я всегда работаю с людьми, которые мне близки по-человечески, и всегда стараюсь создать в группе атмосферу доверия, взаимопонимания и внутренней раскрепощенности, свободы. Ведь съемочная группа в экспедиции — это большая кочующая семья, такой своеобразный цыганский табор. Друг прилетаем на вертолете в какое-нибудь недоступное ущелье Горной Тушетии, выгружаем весь скраб — аппаратуру, щиты, одежду, реквизит, иногда даже не устраиваемся на ночлег, а тут же начинаем организовывать съемку и работаем, работаем лихорадочно, стараясь успеть снять несколько кадров до ночи... А иногда случаются и романтические отклонения: ловим фотину в быстрой горной реке, сидим у костра до полуночи, жарим рыбу, рассказываем всякие истории, иногда читаем стихи, даже совсем по-детски играем в фанты, и возникают новые взаимоотношения, новые пересечения судеб... Конечно же, работа тяжелая, как принято говорить, не женская, но она заполняет все поры, создает такое радостное ощущение полноты бытия! И мне весело!

К. Ц. Как вы относитесь к своему труду? Ведь существуют весьма противоречивые мнения о труде кинорежиссера. Многие считают, что это тяжелая и изнурительная работа, трудный хлеб, не жеманное дело.

Л. Г. Я с вами полностью согласна. Каждый из тех людей, с которыми меня связывает истинное творческое содружество, вносит в картину свое, личное, глубоко мне дорогое восприятие мира. Это и оператор Нугзар